
Е. А. Мельникова

ПАРНЫЕ СИНОНИМИЧЕСКИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В РУССКО-ВИЗАНТИЙСКОМ ДОГОВОРЕ 911 г. И ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ТЕКСТАХ¹

В статье рассматривается специфическая особенность языка русско-византийского договора 911 г. — парные синонимические словосочетания, обильно представленные в преамбуле и эсхатоколе договора. Они относятся к нескольким лексико-грамматическим разрядам: субстантивному, вербальному и атрибутивному. Их использование не имеет параллелей ни в других русско-византийских договорах, ни в древнерусских памятниках права и летописании (за исключением «Сказания о призвании варягов»). В византийских юридических памятниках (хрисовулах) они являются риторическими фигурами, усиливающими значение высказывания. Ближайшая аналогия обнаруживается в лексике древнескандинавских судебныхников, а также приносимых в суде клятвах, где — в бесписьменном обществе — аллитерирующие парные словосочетания выполняют магическую функцию, с одной стороны, и являются средством меморизации текста — с другой. Можно предположить, что в условиях понесенного поражения византийские чиновники не только записали «речи» послов Олега, но и включили по крайней мере часть их в заключительный текст договора, лишь структурировав и отредактировав текст в соответствии с византийской дипломатической практикой.

Ключевые слова: русско-византийский договор 911 г., парные синонимические словосочетания, древнескандинавские судебники, клятвы, процедура написания договора.

Договор, заключенный князем Олегом с византийскими императорами Львом VI Мудрым (ум. 11 мая 912 г.), его братом-соправителем Александром и сыном Константином 2 сентября 911 г. и помещенный в «Повести временных лет» под 6420/912 г., как и последующие русско-византийские договоры, после работ Я. Малингуди считаются древнерусскими переводами с греческих копий, содержащихся в копийных книгах имперской канцелярии (Malingoudi 1994; Малингуди 1997. С. 83–85), хотя вопрос о времени осуществления

---

¹ Сердечно благодарю Т.В. Гимона, А.В. Назаренко и А.С. Щавелева, прочитавших черновой вариант статьи и сделавших ценные замечания и предложения.

переводов остается дискуссионным (краткий обзор см.: Максимович 2013). Тем не менее лингвистическая изученность договоров по-прежнему недостаточна. После труда С.П. Обнорского изучению подвергался только один аспект языка договоров — отражение в нем языка византийской дипломатии (в работах Я. Малингуди), что вело к попыткам реконструировать исходный греческий текст (Афиногенов 2014), последнее при отсутствии сохранившихся византийских договоров с иноземными правителями ранее конца XI в. (обзор см.: Малингуди 1996. С. 69–70), представляется задачей, хотя и заманчивой, но трудно выполнимой. Особая сложность языкового анализа русско-византийских договоров, как справедливо отметила Т.В. Рождественская, заключается в «противостоянии и взаимодействии древнерусской традиции устной практики обычного права и византийской греческой модели юридического документа» (Рождественская 2002. С. 35; см. также: Никольский 2002). Дополнительно усугубляет исследование языка комплексность проблематики договоров: «Империя не заключала “торговые”, “политические” или “мирные” договоры или любые договоры по отдельным вопросам» (Miller 1971. P. 58), что влекло за собой использование лексики и стилистики разных профессиональных областей.

Переплетение двух культурных традиций: устной правовой практики русов (скандинавов для того времени) и развитой византийской дипломатической документации наиболее ярко, как представляется, проявилось в тексте договора 911 г., язык которого резко отличается и «по построению периодов, и по всем синтаксическим особенностям» от языка договора 944 г. (Лавровский 1853. С. 27). Неоднородность языка договоров 911 и 944 гг. отмечалась также В.М. Истриным (Истрин 1925. С. 387–388). По мнению С.П. Обнорского, эти различия настолько существенны, что дают основание полагать, что переводы договоров были выполнены разными переводчиками в разное время и отображают «две разнящиеся языковые стихии» (Обнорский 1960. С. 119). Позднее заключение С.П. Обнорского о разновременности переводов было отклонено (окончательно — в работах Я. Малингуди), но на разнохарактерность переводов договоров указывала и она сама, и другие исследователи («Текст договора 911 г. содержит больше ошибок и архаизмов, чем текст договора 944 г., и более слепо следует греческому оригиналу»: Каштанов 1996. С. 5). К числу таких отличий следует отнести не отмечавшуюся ранее насыщенность преамбулы и эсхатокола договора 911 г. парными

синонимическими словосочетаниями — в отличие от последующих договоров, которые лишены этой особенности.

Парные синонимические словосочетания, в большинстве своем не являющиеся устойчивыми (в отличие от формул: Творогов 1962), по своим морфологическим и семантическим характеристикам близки фольклорным двухкомпонентным структурам — сочетаниям слов, принадлежащих к одному лексико-грамматическому разряду (Хроленко 1981)². В «Новгородской первой летописи» младшего извода (и, соответственно, в «Начальном своде»), равно как и в «Повести временных лет», прежде всего в языке «Древнейшего сказания», они обильно представлены только в одном фрагменте: «Сказании о призвании варягов», где присутствуют атрибутивные (наибольшее количество), субстантивные и вербальные парные словосочетания, что может рассматриваться как реликт устной традиции, к которой восходит летописное повествование (Мельникова 2019). В последующем тексте «Повести временных лет» парные синонимические словосочетания практически не встречаются; кажется, единственный случай их употребления — в рассказе Гюраты Роговича о «заклепанных» в горах народах: «и в горах тех **кличь** великъ и **говорь**» (Лавр. Стб. 235. Здесь и далее выделение автора). «Кличь и говор» — субстантивное парное словосочетание с близкими по значению существительными *кличь* и *говорь*. Как и в «Сказании», оно употреблено в пересказе устной легенды, хотя в данном случае и восходящий к «Откровению» Мефодия Патарского (Карпов 2001), т.е. его употребление обусловлено эмоционально окрашенной устной речью и, как риторический прием, призвано усилить впечатление от рассказываемого.

Отсутствуют такие словосочетания и в правовых памятниках Древней Руси, прежде всего, в Русской Правде краткой редакции, поскольку вряд ли можно считать синонимичными словосочетания «кровав или синь» (ст. 2) и «отпадет рука любо усохнуть» (ст. 5) (ПРП. С. 77), т. к. однородные прилагательные в первом случае и глаголы — во втором отражают разные жизненные ситуации. Таким образом, язык преамбулы и эсхатокола договора 911 г. представляет собой исключение не только в рамках летописного нарратива, но и в рамках собственно древнерусских правовых текстов и текстов других русско-византийских договоров.

---

² А. Т. Хроленко использует вошедший затем в лингвофольклористику термин «репрезентативные пары», под которыми понимаются устойчивые словосочетания.

Прембула:

«Равно другого свещания, бывшаго при тѣх же царьхъ Лва и Александра. Мы от рода Рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид, иже послани от Олга, великаго князя Рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, **свѣтлых и великих** князь, и его великих боярь³, к вам, Лвови и Александрови и Костянтину, великим о Бозѣ самодержьцем, царемъ Греческим, **на удержание и на извещение** от многих лѣт межи хрестианы и Русью бывшею любовь, похотѣнем наших великих князь и по повелѣнню от всѣх, иже суть под рукою его сущих Руси. Наша свѣтлость болѣ инѣх хотящи еже о Бозѣ **удержати и извѣстити** такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многожды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою, кленшесе оружием своим, такую любовь **утвердити и извести по вѣре и по закону** нашему. Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣре и о любви, главы таковыя: по первому убо слову да умиримся с вами, Греки, да любим друг друга от всеа душа и изволения, и не вдадим, елико наше изволение, быти от сущих подъ рукою наших князь свѣтлых никакому же соблазну или винѣ; но потщимся, елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда лѣт с вами, Греки, **исповеданием и написанием** со клятвою извещаемуя любовь **непревратну и непостыжну**. Тако же и вы, Греки, да храните таку же любовь ко княземъ нашим свѣтлым руским и ко всѣм, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего, **несоблазну и непреложну** всегда и во вся лѣта».

Эсхатокол:

«На **утверженье** же и **неподвижение** быти меже вами, хрестьяны, и Русью, бывший миръ сотворихом Ивановым написанием на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащим честнымъ крестомъ и святою единосущею Троицею единого истиннаго Бога нашего, извѣсти и дать нашим послем. Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога суща, яко Божие здание, **по закону и по покону** языка нашего, не преступити нам, ни иному от страны нашея от уставленных главъ **мира и любви**. И таковоеписание дахом царства вашего на утвержение обоему пребывати такому совещанию, **на утвержение и на извещение** межи вами бывающаго мира. Мѣсяца сентября 2, индикта 15, в лѣто создания мира 6420» (ПСРЛ. 1997. Стб. 33–34, 37).

В договоре присутствуют многочисленные парные словосочетания — их насчитывается 12, и они представлены тремя грамматическими разрядами: субстантивным, вербальным и атрибутивным. Почти во всех субстантивных парах («на удержание и на извещение», «на утвержение и на извещение», «по вѣре и по

³ В Ипатьевской летописи: «...иже суть под рукою его свѣтлыхъ боярь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 23–24).

закону», «исповеданием и написанием», «по закону и по покону», «мира и любви») повторяется предлог⁴. Некоторые пары — при вариативности их компонентов — синонимичны: «на удержание и на извещение» / «на утверждение и на извещение». Две синонимичные вербальные пары полностью соответствуют субстантивным парам («удержати и извѣстити» — «на удержание и на извещение» и «утвердити и известити» — «на утверждение и на извещение»), что говорит об их особой (формульной) устойчивости. Эти две пары встречаются как в протоколе, так и эсхатокоде и, очевидно, имеют особо важное значение. Наконец, в договоре представлено несколько атрибутивных пар: «свѣтлых и великих» князей; любовь «непревратну и непостыжну», «любовь... несоблазну и непреложну». Как и в других парах словосочетаний, в атрибутивных парах также наблюдается варьирование в рамках синонимии: любовь «непревратна и непостыжна» / «несоблазна и непреложна».

Парные словосочетания используются только в преамбуле и эсхатокоде договора, но полностью отсутствуют в конкретных статьях, определяющих условия договора. Они насыщают те части текста договора, которые, как правило, имеют формульный характер и по своему содержанию приближаются к тексту упоминаемой в этих же разделах клятвы, которую должны принести послы-русы «оружьем своим» «по закону и по покону языка нашего»: договор должен быть «непревратен и непостыжен», а мир («любовь») «несоблазен и непреложен», его следует «удержати, утвердити и известити».

Особый случай представляет определение в Лаврентьевской летописи «князей», сущих «под рукой» Олега: в первом случае они именуется «светлыми и великими», что может являться парным синонимическим словосочетанием, во втором — «светлыми и рускими» — однородными определениями, характеризующими разные аспекты денотата, где «русский» указывает на этно(?)-политическую идентификацию князей. Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о терминологичности или нетерминологичности определений «светлые и великие» (см., например: Свердлов

---

⁴ Для фольклорных текстов повторение предлогов является свидетельством размывания репрезентативной пары (Артеменко, Бобунова 1992. С. 15–17), что, возможно, справедливо для «Сказания о призвании варягов», где в редакции «Повести временных лет» наблюдается сокращение фольклорных стилистических приемов по сравнению с «Новгородской первой летописью» («Начальным сводом»). Однако устойчивость повторения предлогов в тексте договора, как кажется, свидетельствует о том, что для правового текста это было скорее нормой, нежели отклонением от нее.

2003. С. 149–153), отмечу лишь, что устойчивым элементом здесь является прилагательное «светлый» — вероятно, заимствование греческого обозначения членов синклита: «λαμπρότατοι ἄρχοντες».

Отсутствие парных синонимических словосочетаний в договоре 944 г. и «размытое» эпитетом словосочетание в договоре 971 г. «хочю **имѣти миръ и свершену любовь**», известное по договору 911 г. («мира и любви»⁵), подтверждают специфику языка последнего и, возможно, говорят об особенностях процедуры его заключения.

Каковы могут быть источники этой особенности языка договора 911 г.? В византийских правовых текстах, таких как «Эклога» и «Книга епарха», наиболее близких по времени к дате заключения договора — оба свода составлены при Льве VI Мудром, — парные синонимические словосочетания, как кажется, отсутствуют. Они, однако, встречаются в хрисовулах, как, например, в хрисовуле Алексея I Комнина Христудулу от 1088 г.: δεσποτεία καὶ κυριότητι «владение и господство», κυρίως καὶ αὐθεντῶς «господственно и властно», ἀπαρσπλάστως τε καὶ ἀνυλεξαίρετώς «неотъемлемо и неотчуждаемо», αὐτοδέσποτος καὶ αὐτεξούσιος «самостоятельным и независимым» (Zachariae a Lingenthal 1857 P. 373; перевод М. В. Левченко: Сборник документов 1951. С. 192). По словам Т. В. Рождественской (но без соответствующей ссылки), Н. А. Лавровский считал выражения «на удержание и извещение», «удержати и известити», «утвердити и известити» «переводом греческих формул в хрисовулах и встречных византийских грамотах» (Рождественская 2002. С. 37; ср.: Лавровский 1853. С. 118–119). Отмеченные словосочетания не образуют устойчивых формул, и одни и те же понятия могут выражаться различными способами. Они являются риторическими фигурами, используемыми исключительно для усиления смысла⁶. Таким образом, насколько можно судить, употребление парных синонимических словосочетаний не характерно для византийских правовых текстов и документов, хотя окказионально они и могли использоваться как риторический прием для усиления значения высказываемого. В этом качестве

---

⁵ Словосочетание «мир и любовь» за исключением договоров встречается в тексте Лаврентьевской летописи только один раз — в статье 6605/1097 г., тогда как формула «сотворити/построити миръ» употреблена несколько десятков раз.

⁶ Впрочем, вопрос о встречаемости парных синонимических словосочетаний в византийских юридических и документальных текстах требует фронтального просмотра источников и самостоятельного изучения.

синонимические пары были распространены в разных видах текстов и в Античности, и в Средневековье⁷.

В скандинавской культурной традиции, напротив, парные синонимические словосочетания были широко распространены, в том числе — в правовых текстах. Они встречаются в древнейших записях областных законов: «Законах Гулагинга» (Норвегия) и «Древнейших законах вестётов» (Швеция, Западный Ётланд), но впоследствии исчезают⁸. Отличительной особенностью употребления таких словосочетаний является их включение в ритуальные речи тяжущихся: в публичном объявлении о преступлении, вызове преступника на тинг (и, соответственно, суд), предъявлении ему истцом обвинения и т.п., — но они полностью отсутствуют в санкционной части судебных актов. Так, в Древнейших законах вестётов в разделе о человекоубийстве («Af mandrapi») наследник убитого должен вызывать убийцу на суд следующими словами: «Будь милостив, Бог, ко мне и моим свидетелям, в том, что ты (обвиняемый. — *Е. М.*) ранил его (или: нанес ему удар) **копьем и мечом**⁹, и ты его настоящий убийца...» (Sva se mærgud hol ok vattum minum, at þu bart . a . han **od ok æg** . ok þu ær sændær bani hans: Äldre Västgötalagen. 1827. § 1.1. S. 10–11), затем предъявить ему обвинение вместе с сопriсяжниками-свидетелями уже на тинге: «Будь милостив, Бог, ко мне и моим свидетелям, в том, что ты (обвиняемый. — *Е. М.*) ранил (или: нанес удар) его **копьем и мечем**, и потому я называю твое имя на тинге...» («Sva se mærgud hull . ok vattum minum at þu hælt hanum undir **od ok æg** ok sva gaf iac þer namn til a þingi»: Äldre Västgötalagen. 1827. § 1.3. S. 12), после чего истцы должны поклясться «в том, что ты (обвиняемый. — *Е. М.*) был на **месте преступления в гневе**¹⁰, и потому я называю твое имя на тинге» («...at þu vært a **vighuelli map vrossvilie**¹¹ ok sva gaf iak þær næmni til a þingi»:

⁷ Ср., например, их использование как риторического приема во французских записях судебных протоколов XIV–XV вв. (Тогоева 2006. С. 102–103). Сердечно благодарю В.М. Хусаинова, подсказавшего мне эту аналогию.

⁸ К сожалению, язык судебных актов крайне мало привлекал внимание исследователей (см.: Stähle 1965).

⁹ В действительности это мог быть любой вид оружия.

¹⁰ Формально по содержанию входящие в словосочетание слова не являются синонимами, однако они объединены аллитерацией, что указывает на их связанность, и характеризуют возможность совершения преступления (как «мечом и копьем» характеризует не конкретный способ убийства, а символизирует насильственность смерти): присутствие на месте происшествия и пребывание в эмоционально-возбужденном состоянии преступника.

¹¹ То же в гл. «О ранениях. 2».

Äldre Västgötalagen. 1827. § 3.1. S. 12). Поимка вора с поличным регламентируется следующим образом: «Если человек схватит все сразу, **и вора и ворованное**, украл ли он на два эре или больше, чем на два эре, нужно связать вору руки и привести на тинг. Призвать двух людей в свидетели против него, что он вор и украл эти вещи, и подтвердить потом с 12 соприсяжниками. Потом присудить его к [запрету] мстить, **к отрубанию и повешению, к дерну и дегтю**, [запрету] наследникам мстить за погибшего» («Takær maþær alt sæman **píns(f) oc þiust**. Hauir stolet til tvæggjæ oræ ællær þrem örum meræ. bindi handær a bak ok föri sva til þingss. lati tva mæn bæra vitni a hændær hanum . at æn ær þiwær at þyst þeræ. ok uiti æptir mæþ tylptær eþe lati siþæn domæ. Ugilden han **til vgs ok til hangæ. til torf ok til tyæru**. vgildæn siri arvæ ok æptir mælændæ»: Äldre Västgötalagen. 1827. § 8. S. 14). Если человек убьет человека в постели своей жены или в другом месте, застигнутого законно, со свидетелями, «он берет **перину и простыню**, везет их на тинг, показывает **кровь и смертельную рану**», после чего возбуждает обвинение против убитого, что должны засвидетельствовать две дюжины свидетелей («Dræpær maþar man i siangu hos kono sinni. ællær annarstad laglika maþ vittnum takin taki. **bulstær oc blæiur**. föri til þings lati sea **blod ok bænd** giui doþum sak. ok uittni mæd tuanni. typftum . næmdar mans uittnum...») (Äldre Västgötalagen. 1827. § 11. S. 15). В разделе о ранениях определяется понятие «полноценная рана», которая заслуживает компенсации: «Если ему [раненому] нужны **лекарство и повязка, полотно и плата лекарю**, то это полноценная рана» («Þorf við **spik ok spjær, lin ok lækirsgæf** þa er þæt fulsær»: Äldre Västgötalagen. 1827. S. 17). Обязательные, предписанные обычаем формульные фразы и ритуальные действия, хотя и впитали в себя отражения новой культурной ситуации — в них включаются обращения к Богу — отражают устную практику судопроизводства и, как считают ныне¹², восходят к традициям дописьменных обществ в Скандинавии (Brink 2005. P. 77–83).

Аналогичные по типу словосочетания, а также выражения с однокоренными словами (например, «суд присудил» — «dómg dómde», «возбудить иск» — «sókn søkia») широко используются

¹² Высказанные в 1960-е — 1970-е гг. сомнения в архаичности некоторых норм и способов их репрезентации в шведских областных судебныхниках, были отклонены в последние десятилетия, благодаря широкому спектру исследований устной традиции и дописьменной культуры. Обсуждение этих проблем см.: Ståhle 1965; Ståhle 1976; Brink 2005. P. 81–82).

и в «Законах Гулатинга» (Norges Gamle Love 1846. Passim. См.: Панкратова 2010). В более поздних судебныхниках количество парных словосочетаний резко сокращается.

Специфически скандинавской (германской?) особенностью парных синонимических словосочетаний, как и выражений с однокоренными словами, является обязательное использование аллитерации, которая служила облегчению меморизации правовых текстов в бесписьменном обществе — действующие законы рассказывались специально избираемыми законоговорителями (*lagmenn*) на областных тингах (собраниях свободных). При этом их речь, как полагают, была насыщена формулами (Brink 2005. P. 73). Аллитерация являлась также характерной чертой германского стиха.

Если древнейшие судебники содержат аллитерирующие синонимические пары в речах участников процесса, то приводимые в исландских родовых сагах клятвы буквально перенасыщены ими (см. о клятвах: Laing 2014). Показателен текст «образцовой» клятвы о мире¹³ в «Саге о Битве на Пустоши», произнесенной человеком, которого окружающие считают лучшим знатоком клятв:

Вот начало нашей клятвы, и оно в том, что все равны перед Богом. Мы должны быть также равны и друг перед другом и доверять другому за **брагой и за брашном, на тинге и на торге, в кирке Божьей и в конунговых палатах**, и везде, где встречаются люди, мы должны вести себя так, как если между нами никогда не было распри. Мы будем делить **клинок и кровавое мясо** и все, что у нас будет, **как сродники, а не как супостаты**. А если распря случится между нами, то пусть **звенят деньги, а не летят дроты**, а если кто из нас нарушит слово сговора и подымеется на порукой укрытого, то влачить ему дней остаток, как волку повсюду, где люди вдалеке волков отгоняют, рабы Христа в церковь ходят, язычники капище освя-

Það er upphaf gríðamála vorra að guð sé við oss alla sáttur. Vér skulum og vera menn sáttir vor í millum og samværir **að öldri og að áti, á þingi og á þjóðstefnu, að kirkna sókn og í konungs húsi** og hvervetna þar er manna fundir verða. Þá skulum vér svo sáttir sem aldrei hafi fjandskapur vor í millum verið. Vér skulum deila **knif og kjötstykki** og alla hluti vor í milli **sem frændur en eigi fjándur**. Ef sakar gerast héðan af á milli vor, þær skal fé bæta **en eigi flein rjóða**. En sá vor er gengur á gervar sættir eða vegur á veittar tryggðir þá skal hann svo víða vargrækur og rekinn sem menn víðast varga reka, kristnir menn kirkjur sækja, heiðnir menn hof blóta, eldar upp brenna, jörð grær, mögur móður kallar, skip skriður, skildir blíka, sólskin snæ lægir, Finnur skríður, fura vex, valur flýgur

¹³ Клятва о мире — ритуальный текст при заключении мировой или по окончании смуты в стране. «Перечень аллитерированных формул внутри клятвы составляет описание мира; такой прием нужен для того, чтобы провозгласить обязательную силу и всеобщность клятвы для всех членов общины во всех мыслимых ситуациях» (Сага о Битве на Пустоши 2000. С. 330).

щают, огонь вверх подымается, земля травой покрывается, сын зовет мать, ладья скользит по волнам, блестят щиты, свет солнца растапливает снег, финн бежит на лыжах, сосна ввысь тянется, ворон парит весенним днем, пусть ветер дует ему под оба крыла, небо вращается, мир заселяется, ветер веет, вода из озер вытекает в море, а селяне рожь сеют. Нет ему места в церквях и среди христиан, **в доме Бога, и в доме бонда**, и нет у него иного приюта, кроме Нифльхейма. Да поручится каждый из нас перед другом за себя и своих потомков, **рожденных и нерожденных, славных и бесславных, именитых или безвестных**, и да встретит он **веру и верность** навеки, верность во всем и перед всеми, и пусть ее не забудет, пока живы люди и твари земные.

Теперь мы равны и сговорены, и встретимся ли на суше, или на стрежне, на струге или на снегу, в соленых волнах или в седле, у переправы или у пробонны в борте, на гребной скамье или на палубе, мы поможем друг другу в нужде, как сын отцу или как отец сыну, во всем. Протянем же в знак дружбы друг другу руку, и останемся друг другу верны по воле Христа и по желанию всех, внимающих сейчас слову сговора. Тому милость Бога, кто будет верен, и гнев Бога тому, что порвет с нашим правым делом, и милость тому, кто верен. Закончено наше слово, и да будем равны перед богом (Сага о Битве на Пустоши. С. 101–102).

vorlangan dag standi honum beinn byr undir báða vængi, himinn hverfur, heimur er byggður, vindur vex, veitir vatn til sjóvar og karlar korni sá. Hann skal firrast kirkjur og kristna menn, **guðs hús og guma**, heim hvern nema helvíti. Tekur hver vor tryggðir við annan fyrir sig og sinn erfingja, **alinn og óborinn, getinn og ógetinn, nefndan og ónefndan**, en hver veitir í mót **tryggðir og ævintryggðir**, mætar **tryggðir og megintryggðir** þær er æ skulu haldast meðan moldir og menn lifa. Nú erum vér sáttir og sammála hvar sem vér finnumst **á landi eða á legi, skipi eða á skíði, í hafi eða á hestbaki, árar að miðla og ausskotu, þóftu og þilju**, ef þarfar gerast, jafnsáttur hver við annan sem sonur við föður eða faðir við son í samförum öllum. Höfum nú lófatak að tryggðamálum og höldum vel tryggðir að vilja Krists og að vitni allra manna þeirra er nú heyrðu tryggðamál. Hafi sá guðs hylli er heldur tryggðir en sá gremi guðs er rýfur réttar tryggðir en hylli sá er heldur. Höfum heilir sæst en guð sé við alla sáttur (Heiðarvíga saga. Kap. 33).

«Сага о Битве на Пустоши», записанная ок. 1200 г., считается одной из древнейших и наиболее архаичных родовых саг (Finlay 2004). Ее действие происходит в начале XI в., а сама битва датируется 1014 г. Аналогичная клятва приведена также в исландской родовой «Саге о Греттире» (Grettis saga 1936. Kap. 72. Bls. 231–232). Древность текста подтверждается чрезвычайно

близкой по форме и по содержанию клятвой, которую должен принести лагман при установлении мира после распри, в исландском судебнике «Серый Гусь» по рукописи *Staðarhólsbók* (Grágás 1879. Kap. 115. Bls. 206, ср.: Bls. 406–407. См.: Langeslag 2015. P. 107–108). Сходная формула, также с парными словосочетаниями, имеется в «Законах Гулатинга», хотя в ней их набор несколько отличается от исландских текстов (*Gulapingslög* 1846. Kap. 320. S. 110). Клятва мира должна предотвратить продолжение кровной мести между враждующими родами. Ошибка в ее произнесении чревата возобновлением вооруженных столкновений, что неоднократно использовалось, судя по рассказам саг, участниками распри, которые не желали мира, но под давлением обстоятельств вынуждены были принять его на тинге.

В мифо-эпическом контексте клятва мира закрепляется в стихотворной форме, но сохраняет те же основные элементы (Riisoy 2016). Так, Вёлунд требует от пленившего его конунга Нидуда:

“Eiða skaltu mér áðr
alla vinna,
at **skips borði**
ok at **skjaldar rönd**,
at **mars bægi**
ok at **mækis egg**,
at þú kvelj-at
kván Völundar
né brúði minni
at bana verðir...

(Völundar kviða, 33)

«Сперва поклянись мне
крепкой клятвой,
бортом ладьи
и **краем щита**,
конским хребтом
и **сталью меча**,
что не сгубил ты
супруги Вёлунда,
что не был убийцей
жены моей милой;

(Старшая Эдда 1963. С. 72)

Смысл клятвы, которую должен принести Нидуд, в том, чтобы названные предметы принесли ему гибель, если клятва будет лживой. Во «Второй Песни о Хельги убийце Хундинга» раскрываются последствия клятвопреступления, причем называемые здесь санкции чрезвычайно близки санкциям «образцовой» клятве в «Саге о Битве на Пустоши»:

Þik skyli allir
eiðar bíta,
þeir er Helga
hafðir unna
at inu ljósa
Leiftrar vatni
ok at úrsvölum
Unnarsteini.

«Пускай тебя
покарают те клятвы,
которые дал ты
когда-то Хельги,
клялся ты светлой
влагой Лейфтра
и камнем Унн
в холодной росе!

Skríði-at þat skip,
er und þér skríði,
þótt óskabyrr
eftir leggisk;
renni-a sá marr,
er und þér renni,
þóttú fjánder þína
fordask eigir.

Bíti-a þér þat sverð,
er þú bregðir,
nema sjalfum þér
syngvi of höfði.
Þá væri þér hefnt
Helga dauða,
ef þú værir vargr
á viðum úti
auðs andvani
ok alls gamans,
hefðir eigi mat,
nema á hræjum spryngir.”

(Helgakviða Hundingsbana II,
31–33)

Пусть не плывет
отныне корабль твой,
как бы ни дул
ветер попутный!
Пусть не бежит
конь твой послушно,
когда от врагов
спасенья ты ищешь!

Пусть не разит
меч твой в битве,
разве что сам ты
сражен им будешь!
Было бы мсть
за гибель Хельги,
если б ты волком
скитался в чаще,
нищим и сырым,
вечно голодным,
разве что трупы
тебя б насыщали!»

(Старшая Эдда 1963. С. 90)

Отголоски этих наказаний клятвopеступника сохранились в тексте договора Игоря, хотя и в крайне сокращенном виде, причем как в протоколе, так и в эсхатоколе:

Протокол

Игорь установил «любовь съ самѣми цари, со всѣмъ болярствомъ и со всѣми людьми Гречскими на вся лѣта, дондеже съяеть солнце и весь мирь стоить. И иже помыслить от страны Руския разрушити таку любовь...да примуть мсть от Бога вседержителя, осуженье на погибель **въ весь вѣкъ в будущий**; и елико ихъ есть не хрещено, да **не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, от стрѣль и от иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущий**».

(ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47)

Эсхатокол

«а иже преступить се от страны нашея... да **не имуть помощи от бога, и да будетъ рабъ въ весь вѣкъ в будущий**, и да **заколенъ будетъ своимъ оружьемъ**... Аще ли же кто... преступить се..., **будеть достоинъ своимъ оружьемъ умерети, и да будетъ клясть от бога и от Перуна**, яко преступи свою клятву. Да... хранить си любовь правую, да не разрушится, **дондеже солнце съяеть и весь мирь стоить**».

(ПСРЛ. Т. 1. Стб. 53)

Некоторые из санкций повторяются дословно и полностью соответствуют текстам древнескандинавских клятв: мир должен сохраняться «дондеже съяет солнце и весь мир стоять» (ср.: «...пока сияет солнце... и мир населен...») «...sól scín... heimr er bygðr...» в клятве, приведенной в «Grágás»); «в весь век в будущий» (в дошедших до нас текстах клятв это условие сформулировано как перечисление конкретных природных и общественных явлений, а также выражением «рожденные и нерожденные»; ср. также в договоре 911 г.: «всегда и во вся лѣта»); «не имуть помощи от Бога (ни от Перуна)» (ср.: «Тому милость Бога, кто будет верен, и гнев Бога тому, что порвет с нашим правым делом, и милость тому, кто верен» в клятве «Саги о Битве на Пустоши», написанной уже в христианскую эпоху); обращение его собственного оружия против нарушившего клятву сформулировано в протоколе и эсхатоколе (дважды) по-разному, но смысл заклания остается тот же (ср.: клятву во «Второй песни о Хельги Убийце Хундинга», тот же смысл имеет клятва Вёлунда; в «Grágás» это положение заменено отторжением от «церкви и христиан»); «да будут раби...» (ср.: десоциализацию клятвопреступника — превращение в изгоя («волка») — во всех известных древнескандинавских клятвах). Таким образом в договоре Игоря представлены в краткой форме все основные смысловые узлы скандинавских клятв о мире: вечность заключаемого мира, утрата покровительства богов или Бога, обращение собственного оружия против клятвопреступника и его десоциализация. В договоре 911 г. клятва русов-язычников не приводится, но отмечается тот же, что и в договоре Игоря, ритуал — ее принесение на оружии («кленшесе оружием своим»), и ее культурная атрибуция — «по закону и по покону языка нашего».

В отличие от использования парных синонимических словосочетаний в античной, византийской, западноевропейской литературе, в том числе и юридической, в качестве риторического приема, в древнескандинавских текстах они несут несравненно более важную содержательную нагрузку. В Скандинавии времени записи приведенных памятников сохранялась вера в магическую силу «связанного слова», т.е. поэтического текста, в котором слова были связаны прежде всего аллитерацией. Неслучайно нид — хулительное стихотворение — был запрещен тем же исландским сводом законов «Серый гусь» как наносящий вред человеку, против которого он направлен, причем наказание за произнесенный нид было таким же, как за нанесение тяжелого ранения или не-

которые виды убийства — изгнание (Almqvist 1965–1974, Матюшина 1994). «Связанные» аллитерацией словосочетания, равно как и повторы одних и тех же слов, обладали сами по себе магической силой и потому широко использовались в заговорах и заклинаниях (зафиксированных, например, в рунических надписях из «Бергенского архива»: Мельникова 2014. С. 9). Они были не риторическими фигурами, а действенным средством вербальной магии, призванным воплотить желаемое в жизнь, в реальность этого средства без каких-либо сомнений скандинавы верили и в XIII–XIV вв.

Другой важной функцией аллитерирующих словосочетаний была меморизация текста, поскольку вплоть до XII в. древнескандинавские общества не обладали письменностью, пригодной для записи пространственных текстов.

«Род русский» и «великие князья руские», от имени которых заключаются договоры Олега и Игоря, — это скандинавы, осевшие в Восточной Европе и к середине X в. более или менее интегрировавшиеся в славянский мир и даже приобщившиеся к христианству. Русы же Олега, еще только-только закрепившиеся в новом для них регионе — в Киеве, в полной мере сохраняли свои культурные традиции. Анализ формулировок клятв о мире наглядно свидетельствует о сохранении скандинавской правовой практики и ритуальности, по меньшей мере в процедуре ратификации договоров (ср.: Stein-Wilkeshuis 2002; но также и в отдельных нормах права: Stein-Wilkeshuis 1991; Никольский 2004). Поэтому представляется более чем вероятным, что парные синонимические словосочетания в преамбуле и эсхатоколе договора 911 г. восходят к древнескандинавскому языку права, насыщенному аллитерирующими (что, естественно, было утрачено еще при записи договора на греческом языке) синонимическими парами.

Надо отметить, что аналогичная особенность — насыщенность парными синонимическими словосочетаниями — отличает, как уже говорилось, и язык «Сказания о призвании варягов», в основе которого, видимо, лежит «ряд» с одним из отрядов викингов, обосновавшимся в Ладожско-Ильменском регионе за некоторое время до появления Олега в Поднепровье (Мельникова 2019). В обоих случаях, как представляется, язык договоров со скандинавами изначально сохранял язык скандинавских правовых практик. Но если это было естественно для соглашения между представителями скандинавов и славян, не имевших письменности (скандинавы —

письменности, пригодной для деловых документов)¹⁴, то включение «скандинавизмов» в документ, подготовленный византийскими имперскими чиновниками, требует специального объяснения.

Таким объяснением, вероятно, могут служить условия, в которых заключался договор, и сама процедура его заключения. Хотя поход Олега не получил отклика в византийских источниках (обзор см.: Мельникова 2018), а рассказ о нем в летописях (так называемое «обрамление» договора) восходит к устной (эпической?) традиции, вряд ли есть основания сомневаться в его реальности, равно как и в его успехе — о чем говорят крайне выгодные для русов условия договора. В угрожающей обстановке, фактически потерпев поражение, византийские власти заключают договор, который должен был обеспечить им в первую очередь безопасность, во вторую — выгодного в перспективе торгового партнера, пока еще мало знакомого для них (регулярный найм росов на военную службу начинается лишь в первое десятилетие X в. См. подробно: Щавелев 2017. С. 86–90). Естественно, что в такой ситуации должно было быть проявлено максимальное внимание к требованиям послов русского князя, и их «речи», как и предложения представителей византийской канцелярии, очевидно, тщательно записывались — процедура, которая вообще являлась нормой в дипломатической практике Византии (Малингуди 1966. С. 72). «Речи» послов-скандинавов, еще только вступивших в тесные контакты как со славянами, так и с византийцами, не могли не использовать традиционные для скандинавской правовой культуры если не процессуальные действия, то процессуальную риторику со всеми присущими ей особенностями, в том числе парными словосочетаниями. Окончательный текст договора основывался на этих записях и, насколько можно судить, воспроизводил (по крайней мере, в основном) «речи» послов-росов. Об этом говорит направление речевой коммуникации, во всех без исключения случаях отражающее позицию русов. На протяжении всего договора, как в преамбуле и эсхатоколе, так и в конкретных статьях, по отношению к византийцам употребляется исключительно местоимение «вы/ваш» («вы, греки» — 3 раза, «царь ваш» — 5 раз, «бог ваш» — 1 раз, «вы, христиане» — 1 раз, в общей сложности 9 раз), по отношению к русам — только местоимение «мы/

---

¹⁴ Впрочем, как показывает новейшая расшифровка надписи на дверном кольце из Форса (Хельсингланд, Швеция), датированного ныне IX в., запись рунами правовых текстов практиковалась (Brink 1996).

наш» («мы, русь» — 3 раза, «князь наш» — 5 раз, «вера и закон наш» — 1 раз, «наше изволение» — 1 раз, «наш посол» — 1 раз, «мы кляхомся» — 1 раз, «по закону и по покону языка нашего» — 1 раз, «не преступити нам» — 1 раз, «от страны нашея» — 1 раз, в общей сложности 15 раз). Надо отметить и то, что реалии, к которым относится местоимение «наш», значительно разнообразнее, в их числе синонимы или близкие по значению слова (например, «вера и закон» и «закон и покон»). Эта особенность также отличает договор Олега от договора Игоря, где направление речевой коммуникации постоянно меняется (иногда хаотично).

Таким образом, есть основания полагать, что текст договора 911 г. представляет собой, по крайней мере в основной своей части, запись речей послов Олега, структурированных и отредактированных византийскими дипломатами в соответствии с византийскими правилами делопроизводства, и, не исключено, что отчасти и традициями византийской риторики.

ЛИТЕРАТУРА

- Артеменко Е. Б., Бобунова М. А.* Репрезентативные пары и их модификации в свете фольклорной парадигмы и синтагматики // Синтагматика и парадигматика фольклорного слова. Курск, 1992. С. 3–19.
- Афиногенов Д. Е.* К проблеме реконструкции греческого текста договора князя Олега с греками 911 года // *Ruthenica*. Київ, 2014. Т. XII. С. 22–28.
- Истрин В. М.* Договоры русских с греками X века // *ИОРЯС*. 1924 г. Л., 1925. Т. XXIX. С. 383–393.
- Карпов А. Ю.* «Заклепанные человеки» в летописной статье 1096 г. // *Очерки феодальной России*. М., 2001. Вып. 3. С. 3–24.
- Капитанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Лавровский Н.* Византийский элемент в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.
- Максимович К. А.* Договоры Руси с Византией X в.: Проблемы датировки перевода, языка и традиции текста. [Электронный ресурс] URL: <https://studylib.ru/doc/564634/dogovory-rusi-s-vizantie-j-x-v.->
- Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики (ч. 1) // *ВВ*. 1996. Т. 56 (81). С. 68–91.
- Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики (ч. 2) // *ВВ*. 1997. Т. 57 (82). С. 58–87.
- Матюшина И. Г.* Магия слова. Скальдические хулительные стихи и любовная поэзия М., 1994.

- Мельникова Е. А.* «Я помню тебя...»: бытовая руническая письменность в Скандинавии // *Stratum plus*. 2014. №5: Памяти Ю. М. Лесмана. С. 1–11.
- Мельникова Е. А.* Олег, князь киевский // *Православная энциклопедия*. М., 2018. Т. 52: Ной–Онуфрий. С. 557–564.
- Мельникова Е. А.* Несколько замечаний о языке «Сказания о призвании варягов» // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019. № 1 (75). С. 83–87.
- Никольский С. Л.* Мнимые реальности смешанного права русско-византийских договоров 911 и 944 гг. // *ВЕДС-XIV: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии*. М., 2002. С. 168–174.
- Никольский С. Л.* О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // *Средневековая Русь*. М., 2004. Вып. 4. С. 5–48.
- Обнорский С. П.* Язык договоров с греками // *Язык и мышление*. 1936. № 6–7. С. 79–103 [цит. по: *Обнорский С. П.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 99–120].
- Панкратова М. В.* Устойчивые выражения в древненорвежских «Законах Гулатинга» и «Ландслове» — следы устной традиции? // *ВЕДС-XXII: Устная традиция в письменном тексте*. М., 2010. С. 210–215.
- ПРП — Памятники русского М., 1952. Т. I: Памятники права Киевского государства / Сост. А. А. Зимин.
- ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
- ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.
- Рожественская Т. В.* К вопросу о лингвистическом изучении договоров Руси с греками X в. // *А се его сребро: Збірник праць на пошану чл.-корр. НАН України М. Ф. Котляра / Відпов. ред. В. Смолій. Київ, 2002. С. 33–40.*
- Сага о Битве на Пустоши* // *Исландские саги* / Пер., общая ред. и коммент. А. В. Циммерлинга. М., 2000. С. 44–110.
- Сборник документов по социально-экономической истории Византии* / Под ред. Н. В. Пигулевской. М., 1951.
- Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.
- Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях* / Пер. А. И. Корсуна, ред., вст. статья и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.
- Творогов О. В.* Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // *ТОДРЛ*. 1962. Т. 18. С. 277–284.
- Тогова О. И.* «Истинная правда»: Языки средневекового правосудия. М., 2006.
- Хроленко А. Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981.
- Щавелев А. С.* «Держава Рюриковичей» в первой половине X века: хронология, территория и социальная структура // *Петербургские славянские и балканские исследования / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1. С. 82–112.

- Äldre Västgötalagen // Samling af Sweriges Gamla Lagar / Utg. af D. Collin, D.C.J. Schlyter. (Corpus iuris gotorum antiqui) Stockholm; Lund, 1827. B. I.
- Almqvist B.* Norrøn Niddiktning. B. 1–2. Stockholm, 1965–1974.
- Brink S.* Forsaringen. Nordens äldsta lagbud // Beretning fra femtende tværfaglige vikingesymposium / Ed. E. Roesdahl, P. Meulengracht Sørensen. Højbjerg, 1996. P. 27–55.
- Brink St.* *Verba volant, scripta manet?* Aspects of Early Scandinavian Oral Society // Literacy in Medieval and Early Modern Scandinavian Culture / Ed. P. Hermann (Viking Collection, 16). Odense, 2005. P. 59–117.
- Finlay A.* Two Borgfirðinga sögur: the oldest or the youngest Íslendingasögur? // Sagas & Societies. International Conference. Borgarnes, Iceland. September 5.–9. 2002. Preprints. Borgarnes, 2002.
- Grágás: Efter det Arnamagnæanske handskrift nr. 334 fol., Staðarhólsbók / Vilhjálmur Finsen gaf út. København, 1879.
- Grettis saga Ásmundarsonar. Bandamanna saga. Odds þátrr Ófeigssonar / Guðni Jónsson gaf út. (Íslenzk Fornrit, 7). Reykjavík, 1936
- Gulapingslög // Norges gamle Love indtil 1387. Ifølge offentlig Foranstaltning og tillige med Understøttelse af det Kongelige Norske Videnskabers Selskab udgivne ved R. Keyser og P.A. Munch. Christiania, 1846. B. 1: Frostatingslög. Gulatingslög.
- Heiðarvíga saga // Borgfirðinga sögur / Guðni Jónsson ok Sigurður Nordal gáfu út. (Íslenzk fornrit, 3). 2 utg. Reykjavík, 1955. Цит. по: [Электронный ресурс] URL: <http://www.snerpa.is>. Доступ 1.12.2019.
- Helgakviða Hundingsbana II // Eddukvæði. Sæmundar-Edda // Guðni Jónsson bjó til prentunar. Цит. по: [Электронный ресурс] URL: <http://www.heimskringla.no/wiki/V%C3%B6lundarkvi%C3%B0a>. Доступ 1.12. 2019.
- I trattati dell'antica Russia con l'Imperio romano d'Oriente / Dir.P. Catalano, A.N. Sacharov. Roma, 2011.
- Laing G.L.* Bound by Words: Oath-taking and Oath-breaking in Medieval Iceland and Anglo-Saxon England. Diss. Western Michigan University, 2014.
- Langeslag P.S.* Seasons in the Literatures of the Medieval North. Cambridge, 2015.
- Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jahrhunderts aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994.
- Miller D.A. Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1025 // Byzantinoslavica. 1971. T. XXXII. P. 56–76.
- Norges Gamle Love indtil 1387 / Udg. ved Keyser, R. Munch, P. Andreas. Christiania, 1846. B. I.
- Riisoy A.I.* Performing Oaths in Eddic Poetry: Viking Age Fact or Medieval Fiction? // Journal of the North Atlantic. 2016. Vol. 8. P. 141–156.
- Stein-Wilkeshuis M.* A Viking-age Treaty between Constantinople and Northern Merchants, with its Provisions on Theft and Robbery // Scando-Slavica. 1991. T. 37. P. 35–47.

- Stein-Wilkeshuis M.* Scandinavians Swearing Oaths in Tenth-Century Russia: Pagans and Christians // *Journal of Medieval History*. 2002. Vol. 28. P. 155–168.
- Ståhle C.I.* Lagspråk // *Kulturhistorisk Lexikon for Nordisk Medeltid*. København, 1965. B. 10. S. 167–177.
- Ståhle C.I.* Om Dalalagens ålderdomlighet och ålder — och Kopparbergsprivilegiernas oförbätterliga “sik biwipär” // *Nordiska studier i filologi och lingvistik*. Festskrift tillägnad Gösta Holm på 60-årsdagen den 8 juli 1976 / Ed. L. Svensson, A.M. Wieselgren and Å. Hansson. Lund, 1976. S. 392–401.
- Völundar kviða // *Eddukvæði. Sæmundar-Edda* // Guðni Jónsson bjó til prentunar. Цит. по: [Электронный ресурс] URL: <http://www.heimskringla.no/wiki/V%C3%B6lundarkvi%C3%B0a>. Доступ 1. 12. 2019.
- Zachariae a Lingenthal K.* *Jus Graeco-Romanum*. Lipsiae, 1857. T. III.

Elena A. Melnikova

TWIN SYNONIMIC WORD COMBINATIONS IN THE RUSSIAN AND BYZANTINE TREATY OF 911 AND IN OLD NORSE LEGAL TEXTS

The article discusses a specific feature of the language of the Russian and Byzantine treaty concluded in 911 — twin synonymic word combinations that abound in the opening and concluding parts of the treaty. They are represented by several lexical-grammatical groups, substantive, verbal, and attributive. The usage of such word combinations has no parallels in Old Russian legal texts and historiography but for the *Legend about the invitation of the Varangians*. In Byzantine legal documents (*chrysobulls*) they sporadically appear as a rhetorical figure to strengthen the meaning of the utterance. The closest analogy can be found in the wording of the Old Norse oldest legal codes, as well as in the oaths where alliterating twin word combinations perform magic function, on the one hand, and serve as a memorization tool, on the other. In the situation after Oleg’s successful attack on Constantinople, Byzantine officials can be supposed not only to write down the speeches of Oleg’s emissaries as it was a standard procedure, but also include them in the final text of the treaty though structuring them and editing to the text according to the Byzantine diplomatic practice.

Key words: Russian and Byzantine treaty of 911, twin synonymic word combinations, Old Norse legal codes, oaths, compilation of the treaty

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-84-102